

КАК ПЕРВУША ОРЕХ НА МАМАЯ ХОДИЛ

Монопьеса

Основано на реальных событиях

Действующие лица

Первуша Орех – 50+, служивый человек при дворе великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича.

События происходят в августе-сентябре 1380 года, накануне и во время Куликовской битвы.

1.

Москва.

Маленькая комната. По углам мешки и другие вещи. В шкафу многочисленные свитки. Небольшой стол. Перед иконами лампада.

В комнату входит Первуша. Вынимает из-за пазухи небольшой мешочек.

Развязывает его. В мешочке рис. Он насыпает рис себе в руку, рассматривает.

ПЕРВУША. Ай хорошо сарацинское пшено!

Завязывает мешочек. Подбрасывает мешочек в руке, чтобы прикинуть, сколько в нем веса.

Куручка по зернышку клюёт. А от князя не убудет.

Выглядывает за дверь, проверяя, нет ли там кого. Вытаскивает из дальнего угла мешок побольше и пересыпает туда рис. В этот момент из-за мешка раздаётся кошачий писк. От неожиданности Первуша просыпает рис.

Ах ты ж... *(Отодвигает мешок и вытаскивает из угла облезлого кота.)* ...Аспид какой!

Кот вырывается у него из рук и прячется в другом углу комнаты. Первуша ищет, чем бы ударить кота. Хватает кочергу, отодвигает вещи из угла комнаты, где прятался кот, но тот уже в другом месте. Первуша бросает кочергу и возвращается к мешку с рисом. Собирает крупу с пола.

Супостат хвостатый. Вот только вылезли. Пришибу.

За дверь людские голоса, топот. Первуша быстро собирает остатки риса с пола и выглядывает за дверь.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Выходи во двор. Князь людей собирает.

ПЕРВУША. Иду-иду. (Ссыпает собранный рис в свой большой мешок. Отряхивает одежду.) Чего там еще удумали...(Выходит из комнаты).

2.

Первуша возвращается в комнату. Садится на табурет. Некоторое время сидит молча, обхватив голову руками.

ПЕРВУША. Вот беда-то, беда. Эх, князюшка, Дмитрий Иванович. Дурак. Как есть дурак.

Резко встает. Ходит по комнате. Говорит раздраженно.

Великий князь Владимирский и Московский. Уж деды и прадеды в князьях ходили. Вот гордыня то и взыграла. Ох, вырежут нас татары. Как есть всех вырежут.

В углу раздается мяуканье кота. Первуша хватается кочергу, замахивается на кота, но в последний момент останавливается. Кот, сжавшись в комок и перестав мяукать, смотрит на Первушу. Первуша смотрит на кота. Бросает кочергу на пол.

Вот как перед силой склоняться надо. Умная животинка. И нам бы так перед татарвОй. Иди уж сюда, убогий. НА тебе молока.

Наливает молока в миску. Ставит на пол перед котом. Рукой манит кота к себе.

Кыс-кыс! Ешь, горемычный. Недолго тебе осталось. Затопчут тебя кони татарские. Иль свои, как назад побегут. А в щель забьешься, как запалят всё кругом, так и сгинешь. Как в писании сказано: «И не останется здесь камня на камне. Все будет разрушено». А я-то, только жену себе присмотрел. Надоело мне вдовствовать. Чего-то мрут они у меня, жены-то. Вот, третью беру. Добро собираю. А князь на Мамаю в поход собрался.

Да в своем ли он уме? Как с силищей несметной напрямую совладать? Родит и родит степь собак безродных. Где ж такое видано, что б Орде дань не платить? Полтора века под ней живем. Хоть и без радости, а все ж богатеем по маленьку. Землишку Московскую приумножаем. И деды наши, и прадеды платили. Тем и живы пока. А он, видишь, на Воже татарву посёк, а теперь со всей Мамаевой ордой браниться решил. И князей созвать. Что б вместе всем навалиться. Слыханное ли дело? Что, уж допил всё? На ещё. А мне, слышь, за невестой два дома на посаде дают. Место хорошее, да чего уж теперь... Все прахом пойдет. *(Ходит по комнате.)* А коль князь в поход с собой призовет? Может, бежать? А за добром кто присмотрит? Нет, не призовет. Я ж по хозяйству служивый человек. Да и стар я уже. Пятьдесят пятый годок идет.

Стук в дверь. Первуша подходит к двери, приоткрывает ее.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Князь тебя кличет. Со списками.

ПЕРВУША. Сейчас принесу. *(Закрывает дверь.)* Гонцов к князьям послать – дело не хитрое. На Переяславском собрании все в дружбе клялись. На крестины молодого князя чего б и не приехать. С подарками. А в поход на Мамаеву Орду? Ой ли... Дружину собрать. Да что б все ратники о дву-конь. Да с бронёю не простой. В обозе что б овса и сена в достатке. *(Смотрит на кота.)* Вот ты заморыш, а за четверых ешь. А то конь боевой! Ему четверть пуда овса да сена еще поболее в дён вынь да положь. Ну, положим, соберем мы обоз. А вот что б под Дмитрия Ивановича знамя одним войском все встали... *(Гладит кота.)* Хороша сказка, а? Не бывало еще такого на Руси, что б в изобилии князья на общее смертное дело собрались. Всяк о своей выгоде печется. Почитай каждый год между собой бранятся. *(Подходит к столу, находит длинный свиток, разворачивает, читает имена.)* Князь Храбрый, Владимир Андреевич в Серпухове. Суздальский князь Дмитрий Константинович и сын его Семён. Ростовские князья. В Смоленске, Иван Васильевич. Ярославский князь. Белозёрские. Кашин тож. Мологский князь. Стародубский. Роман Михайлович в Брянске. Оболенские. Тарусский. Андрей и Дмитрий Ольгердовичи из Гедиминовичей которые. Муромские. Поглядим, кто из них с нашим князем на смерть пойдет.

(Коту.) Оно, конечно, тяжко Орде платить. Да бесчинства всякие от гадюк злых терпеть. Да только доля уж у нас такая. Христос терпел и нам велел.

Орда-то сама в междоусобице увязла. Не ровён час и пожрут друг друга. Или Господь мор какой лютой на безродных нашлет. Пусть другой кто с Ордой бранится. А мы б к Мамаю со всем почтеньем. Делов-то, на коленях перед нехристями безбожными постоять. И заплатили бы уж как-нибудь. Платить то всегда лучше, чем воевать. *(Собирает свитки со стола. Идет к двери, открывает, отдает свитки человеку за дверью.)* Неси! Сам сейчас приду. *(Молится перед иконами.)* Прости, Господи, мне, слабому и убогому, словоблудие моё, да видать я поумней многих буду как есть.

Выходит из комнаты.

3.

Троицкая святая обитель.

На заднем фоне конные ратники, монахи, крестьяне. Все это шумит и шевелится под звон колоколов. Первуша стоит перед храмом Пресвятой Троицы.

ПЕРВУША. Господи, благодарствую, что сподобил меня посетить святую Троицкую обитель. *(Крестится и кланяется, глядя на храм Пресвятой Троицы.)* Хоть и не по своей воле я здесь. А по княжеву указу. Велено мне вместе с ним в поход на Мамаю идти, временнИк каждый день писать. А ведь я по хозяйственной части человек. Страшно мне, Господи, хоть я и при обозе. Я ж не воин, не ратник обученный, страха не ведающий. Спать не сплю уж почитай как из Москвы отправились. Разобьет нас Мамай, ох разобьет. Никого, Аспиды, не пощадят. Спаси и сохрани раба своего, Ореха Первушу, Господи! Не дай ему смерти лютой изведать. Видать, согрешил я в чем пред тобою, Господи, что посылаешь меня с князем на погибель. Только вот в чём, в толк не возьму. Невеста-то молодая, не хочет за меня. Уж я проведаль. Да кто ж их спрашивает? Или пшена сарацинского княжеского я слишком взял? Так ведь детки от первых жён заботы требуют. В чем промысел твой, Господи?

Продолжает молиться молча. Заканчивает. Внимательно осматривает место.

Троицкая святая обитель, на всю Русь известная, а как-то худостно тут. Всё нищетно, всё сиротИнско. Прости меня, Господи, за такие слова. Подправить бы старцу Сергию своё хозяйство. Почитай вся Русь помолиться и за благословением сюда идёт. Я спросил у одного из братии, что ж, мало несут-то вам? А он говорит: много, да всё нищим и убогим раздаём. Непонятно мне это. Чудно. А все спокойные, смотрят ласково. *(Всматривается вдаль, подходит*

ближе к храму.) Что это там? Преподобный старец говорить будет. Записать-то я запишу слова сии святые, да будет ли кому прочитать...

Садится на землю перед маленьким раскладным столиком. Достает из сумки перо, чернила и свиток. Пишет, проговаривая слова вслух.

Писано Первушей Орехом, служивым князя Дмитрия Ивановича человеком в лето августа двадцать третьего дня в Троицкой святой обители.

Внимательно слушает речь старца, записывая и повторяя его слова.

«Печальна земля русская. Не имеет в своем доме ни мира, ни радости. Разоряют ордынцы города русские в дым и пепел. Убивают, уводят в полон людей и скот. Переполнилась чаша терпения. Час отмщения настал. Объединимся же, други, по образу Святой Троицы. Забудем распри и обиды старые. Восстанем на поработителей под знамёнами Москвы. Да не оставит нас Бог. Сыны русские, твердо сражайтесь за веру Христову и за православное наше Отечество!»

Прекращает писать.

Отечество...Много добра оно мне дало, это Отечество? *(Оглядывается по сторонам.)* Эка силища воинская собралась. Не бывало еще такой на Руси. Ошибся ты, Первуша. Господи, хоть и неохотно, но каюсь я пред тобою. Наговорил я на князей, а вон, пришли то все. Со своими дружинами отборными. С нашим князем на Орду идут.

Господи, я хоть и не воин, да по хозяйственной части не дурак. Ведь все тяжелая конница у нас. Доспехи богатые, да только супротИв татар пустое это. Как набегут они легкой своей конницей, юркой как змея подколотная и давай с боков противника стрелами осыпать. Лучники они все знатные. А что ж, почитай в седле родятся. Каждый монгол по два лука возит. В двух колчанАх по тридцать стрел. Только за ними погонишься, а они в рассыпную. Лови их потом в чистом поле. Погонишься, а они уж по сторонам ударяют, строй разбивают. Никто еще их не побеждал в таком раскладе, разве что отряды маленькие, разбойные. А тут войско целое татаро-монгольское на нас идет. Господи, ну я то в чем провинился, что на Мамаю иду? Сидел бы сейчас на посаде, да пшено сарацинское продавал. Спал бы сладко с третьей женой, да пиво пил. Вот где мое Отечество. *(Пауза.)* А все же старец хорошо говорил. Аж душа затрепетала. *(Первуша прикладывает руку к своему сердцу, потом к животу.)* Вот тут. К чему бы это, не пойму.

Первуша видит, что все люди на площади перед храмом встают на колени. Звонят колокола. Преподобный Сергей осеняет всех крестным знаменем и

кропИт святой водой. Первуша крестится вместе со всеми, встает на колени. Через некоторое время продолжает записывать и проговаривать записанное вслух.

Преподобный старец Сергей Радонежский окропил Великого князя Владимирского и Московского священной водой и все войско его. Осенил их крестом Христовым. И сказал: «Идите на поганых. Смерть вам ныне не смерть, но жизнь вечная. Во славе войдете в Царство Божие, ибо нет больше той любви, как если кто положит душу своя за други свои».

Первуша складывает свой столик, убирает письменные принадлежности.

Господи, сумятица у меня в душе. Тягостно мне. Вижу я, что все, как один, по благословению Преподобного Сергия с князем Дмитрием Ивановичем на Мамаю идти хотят. О своей судьбе не помышляют. И князья, и ратники простые. А я, черная душа, о животе своем думаю. О невестушке третьей. О пшене сарацинском, что из княжеских закромов крал по маленьку. Как букашка неразумная, без смысла живу. Только о тепле да о пропитании забочусь. Сердце стучит, словно вылететь из тесной груди хочет. Помилуй меня, Господи. Вразуми. Избавь от уныния и мыслей черных, в коих я ныне пребываю.

4.

Утро перед Куликовской битвой. Первуша сидит на телеге и записывает события во временник, как обычно, проговаривая написанное.

В утро восьмого сентября тысяча триста восьмидесятого года от Рождества Христова рать русская единая под знамёнами Великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича стоит на поле Куликовом, что в устье Непрядвы у Дона простирается.

Первуша встает на телегу и смотрит вдаль, на поле Куликово, комментируя то, что видит.

Как сердце то колотится. Не ровён час из груди выпрыгнет. И побежал бы я, Господи, назад, да дороги нет. Князь Дмитрий Иванович, как Дон перешли, повелел все переправы разрушить, что б знали православные: нет к отступлению пути. А поганые-то каким числом стоят...Нас много, а их и не пересчитать. А князь то наш умно рассудил. Поле узкое подобрал. Не разбежится татарва по сторонам с боков нападать. Между Доном и Непрядвой поле зажато. Придется им на лобовой удар с нашей тяжелой конницей идти. А в дубраве полк засадный стоит. Господи, помоги войску русскому праведному.

Ведь все тылы в Отечестве оголили, вся русская доблесть здесь стоит. Если не сдюжим...*(Первуша зажимает себе рот рукой.)*

Записывает во временник и проговаривает.

Многие сыны русские возрадовались радостью великою, чая желанного своего подвига, о котором еще на Руси мечтали. Другие же люди печалятся, предвидя смерть свою скорую. И будет сие Куликово поле как судное место: быть ли русской земле по воле Божией или стинуть навеки.

Привезли же сей час из Святой Троицкой обители Богородичную просфору и личное письмо святого игумена Сергия Радонежского с благословением русского воинства на битву. Теперь и слабые духом мужеством воодушевились и приготовились положить душу своя за святую Веру православную да за дорогое своё Отечество.

Наблюдает за происходящим и комментирует.

Господи, в изумлении наблюдаю я зрелище сие невиданное. У русской рати доспехи как солнце горят, знамя алое, великокняжеское со Спасом Нерукотворным на ветру полощется. Хоругви как живые колышаются. А супротив темная сила татаро-монгольская стоит непоколебимая. И в Орны над ней кличут. *(Первуша трет глаза, хлопает себя по щекам.)* Уж не привиделось ли мне от страха?

Ишь, богатырь языческий на поле выехал. Красуется свирепый. Челубеем кличут. Похваляется, копьём потрясает. Русских витязей на бой вызывает. Великан поганый. А копьё-то у него...

Первуша вытаскивает из обоза обычное копьё. С трудом держит его в вытянутой руке. Роняет.

А у поганца на два с половиной локтя еще длиннее. Кто ж такую тяжесть в руке удержит? При сшибке он тебя таким копьём раньше прошибет, чем ты его своим достанешь для удара. И на землю свалит. Батюшки, кто-то вперед выходит. На верную смерть. *(Пытается разглядеть.)* Да это Пересвет - монах! Из обители Троицкой с нами на битву пошел. Господи, прости мне любопытство моё. Вчера как вечеряли, подсел я к Пересвету и спрашиваю: как же ты, монах, на битву идешь, хоть и по благословению Сергия, старца нашего святого? Ведь повелел нам Христос любить врагов своих, щеку другую подставлять. А он мне и говорит: так то про своих врагов сказано. А кто Отечеству враг, того насмерть бей.

Неужто он на Челубея пошел? Воин то он знатный. Боярский сын, во многих сражениях прославленный. Так ведь не молодой, а уж почитай что старик как и я.

С волнением наблюдает за происходящим.

Что это он задумал, не пойму...Кольчугу снимает...И шлем...Да как же это...Слово последнее говорит.

Слушает и записывает во временник.

Пересвет же, инок из Троицкой обители выехал наперед к войску на боевом коне и сказал такие слова: «Велик Бог наш и велика крепость его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя, но я желаю с ним переведаться. Снял я кольчугу. И шлем со щитом кладу на землю, ибо на мне оружие нетленное пребывает: благословенные слова игУмена нашего Сергия Радонежского, на сию битву меня пославшего. Готов воспринять венец царства Небесного. Отцы и братия, простите меня грешного».

Комментирует происходящее.

Господи...Пощади...От ужаса смотреть туда не могу...Зачем, зачем так, Пересвет? Всю броню снял. Только копье простое себе оставил. В одной тонкой монашеской рясе на поле, к Челубею поскакал. А тот то весь в железо зашит, да с копьем своим длины немерянной.

Первуша руками прикрывает глаза от страха, но все же подглядывает за тем, как проходит поединок Пересвета и Челубея. Встает на мыски, чтобы по лучше видеть происходящее.

Господи! Ни о чем земном больше думать не буду. Ни о чем тебя не попрошу. Только помоги Пересвету как ты в древности помог Давиду Голиафа одолеть. Ибо, без чуда твоего тут уж ничего не случится. *(Комментирует происходящее на поле.)* Печенег Пересвета увидел. Дивится на его одёжу черную с белыми крестами. Думает, что кольчуга под ней...Эх, Пересветушка, бедОвая голова. Разъезжаться начали для сшибки. Несутся навстречу друг другу. Ревут мамаева полчища, предвидят Челубееву победу, супостаты. А наши все молятся. На колени встают.

Первуша не замечает, как подходит к краю телеги и падает с нее. Поднявшись, он снова смотрит на поле.

Господи, ты есть! Пересвет скачет назад, к войску нашему, а Челубей на земле валяется, насквозь копьём пронзённый. Радуется рать наша, победными криками кричит. Чудо, чудо произошло! С нами Бог! Спасено будет Отечество наше!

Первуша бежит к войскам, чтобы разузнать, как все произошло. Прибегает обратно к телеге, берет перо и свиток, но от возбуждения не может писать, рука у него дрожит. Он пересказывает то, что собирался написать, чтобы лучше запомнить.

Упокой душу раба твоего Пересвета, Господи. Челубей поганый его тож копьём насквозь пронзил. А все ж он в седле усидел и со смертной раной доскакал до своих, с коня не сшибленный. Победил безбожного и умер на руках у своих товарищей. Вот ведь голова человек! Все правильно рассчитал. Затем и кольчугу снял. Копье то Челубеево легко прошло сквозь тело слабое. Он и в седле усидел, и приблизился к поганому на удар своего копья короткого. Была бы на нем броня, сшибся бы сразу на землю. А так сам успел Челубея ударить. А на том броня крепкая. Хоть и прошиб ее Пересвет копьём, а супротивилась она удару, и упал с коня Челубей. Упал, да копьё свое из руки не выпустил. Так и выдернул его из груди Пересвета. И сдох, как собака, на земле прямо перед войском Мамаевым.

Господи, до чего ж люди великие промеж нас живут. Я и рассказать то о том без дрожи не могу. *(Плачет. Смотрит на поле.)* А душа моя радуется, Господи! И сердце успокоилось. Ровно в груди бьется.

Первуша вынимает из телеги шлем, надевает его на голову, берет меч и щит.

Нет больше той любви, как если кто положит душу своя за други свои. Господи помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй.

Идет к полю, откуда уже вовсю доносятся звуки сражения.

5.

Первуша сидит на телеге. Правая рука у него перевязана, писать он не может.

Как же мне временник-то писать... Буду повторять многократно увиденное. Авось, исцелится рука с Божьей помощью и память не подведет.

Повторяет по памяти.

Увидев, как победил Пересвет-воин Челубея поганого, возрадовалось русское войско. Сшиблось с ратью басурманской. И был треск и гром великий от преломлённых копий и от ударов мечей. Кровь лилась как вода и пали мертвыми бесчисленное множество с обеих сторон. И некуда было ступить коням от мертвых тел, лежащих на земле. Не только оружием убивали, но и руками душили друг друга. А кто падал на землю, тот умирал под конскими копытами, а другие задыхались от великой тесноты, потому как не могло вместить поле Куликово всё множество воинов, сошедшихся между реками.

И час, и другой, и пятый бьются неослабно христиане с Мамаевым полчищем. Когда же настал седьмой час, по Божьему попущению и за грехи наши начали поганые одолевать. Много сынов русских сокрушено было. Не выдержал Великий князь Дмитрий Иванович. Достал крест с частицами Животворящего древа, поцеловал его и сам в битву ринулся. Ранили его, и с коня сбросили. И не мог он биться. Инок Ослябя, Пересветов брат, вынес его с поля и положил под березою.

Князь же Серпуховской, Владимир Андреевич, в засаде стоял. Видел, как погибает войско русское, но твердо сказал воинам своим: «Велика беда, да не пришел еще наш час. Начинаящий раньше времени вред себе принесет. Потерпим еще немного до времени удобного и воздадим по заслугам противникам нашим. Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, убиваемых погаными. Непрестанно порывались на бой, словно званые на свадьбу вина сладкого испить. И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул князь голосом громким: «Настало наше время и час удобный пришел! Братья мои, друзья, смелее: сила Святого Духа помогает нам!» И выскочили они из дубравы зеленой и бросились на великую силу татарскую. Точно волки лютые на овечьи стада напали. Половцы же, увидев гибель свою, повернулись и побежали. Сыны же русские рубили их будто траву косили. И многие раненые наши, и те помогали, рубя поганых без милости. И побежал поганый Мамай в излучину с горсткой людей своих. И многие погнались за ними, да не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамаю были свежие.

Страшно было смотреть и видеть человеческое кровопролитие. Кони не могли скакать, а брели, в крови по колено. А реки три дня красной водой текли. После побоища Мамаева долго князя и ратники искали Великого князя Владимирского и Московского и, нашед его живым под березою, возрадовались. И встал Великий князь Дмитрий Иванович, Донской теперь по прозванию, и стал обходить поле ратное. И много слез пролил по братьям погибшим за Отечество своё. Дорогой ценой Великая победа русскому воинству досталась. Восемь дён хоронили героев, за Веру и Отечество живот свой

положивших. Там же, над братской могилой срубили церковку Рождества Богородицы у реки Непрядвы. А Пересвета повезли хоронить в СИмонов монастырь, что близ Москвы.

Первуша замолкает. Он уже давно плачет.

6.

Москва.

Маленькая комната. По углам мешки и другие вещи. В шкафу многочисленные свитки. Небольшой стол. Перед иконами лампада.

В комнату входит Первуша. Рука у него на перевязи. В другой руке меч. Он кладет меч на полку, садится. Из угла выходит облезлый кот.

ПЕРВУША. Ну, здравствуй, убогий. Жив еще?

Кот подходит к нему, мяукает и трется об ноги.

А меня, видишь, Мамай покалечил. А Господь спас. Временник-то я левой рукой кое-как писать приноровился.

Наливает коту молока. Находит в углу мешок с рисом. Вытаскивает его одной рукой, развязывает, смотрит, сколько там риса. Берет горсть риса и сыпает обратно в мешок.

Пустое.

Подтаскивает мешок к двери, приоткрывает, зовет человека.

Эй, иди сюда! В княжевы закрома отнеси. Скажи, Первуша Орех незаписанный мешок сарацинского пшена нашел.

Садится за стол. Пишет временник левой рукой, как всегда проговаривая слова вслух.

Великий князь Владимирский и Московский Дмитрий Донской пробыл на Москве четыре дня и поехал в Святую Троицкую Обитель, к Преподобному старцу Сергию Радонежскому. В субботу отслужили поминальную Великую панихиду обо всех убиенных в Куликовской битве.

(Коту.) Допил молочко? И я закончил. Тяжеленько мне левой рукой временник княжий писать. Кому половчее передам. И князю уж про то сказал. А жениться я передумал. Не то теперь сердцу надобно. Поеду-ка я в святую обитель. Я ж по хозяйственной части служивый человек. Опыт большой имею. Помогу им хозяйство наладить. Что б и сИрым, и убогим дать, и братии достоинство внешнее хоть какое приобрести. *(Гладит кота.)* Вот как оно, Куликово поле нас всех перевернуло. На битву с Мамаем пошли рати разрозненные: москвичи, владимирцы, суздальцы, ростовчане, муромчане, белозёрцы, смоляне и другие многие, а вернулись мы единою ратью русской, невиданный доселе подвиг совершившей. Одна у нас теперь судьба.

Кот мяукает и трется об его ноги.

Да возьму я, возьму тебя с собой, животинка ты безродная.

Первуша берет кота на руки и выходит из комнаты.

Конец. 2023

